

ПРАВИЛА ПРЕПОДОБНОГО ФЕОДОРА СТУДИТА

**Правила поведения во время господства
ереси, извлеченные из творений
преподобного игумена и великого
исповедника Феодора Студита**

Предисловие

Преподобный игумен Феодор Студит, величайший исповедник Христов, жил и подвизался во славу Божию более тысячи лет тому назад (759-826) при господстве и гонениях двух ересей, из которых последняя – иконоборческая, осужденная VII Вселенским Собором (787 г.), отличалась исключительной свирепостью и гонением на православие. Преподобный Феодор был одним из самых видных и несокрушимых борцов против этой ереси, по какой причине и подвергался постоянному гонению, темницам и ссылкам, с неоднократными кровавыми мучениями.

Оставаясь непоколебимым защитником истинной веры православной и Церкви, он рассылал свои знаменитые письма (и иные творения) повсюду, в которых не только опровергал пагубное лжеучение и утверждал православие, но и неутомимо излагал и насаждал правила поведения, в целях защиты истинной Церкви

Христовой, принятых на тайных Соборах исповедников и мучеников того времени. Эти правила и наставления имеют исключительно важное значение для нашего тягчайшего положения в условиях последнего времени, при господстве нынешней антихристовой ереси, самой жестокой и коварной. Только при условии самого тщательного соблюдения этих строгих святоотеческо-исповеднических правил возможна защита и сохранение истинной Церкви Христовой во времена последние, времена ереси “человека греха, сына погибели” (2 Фесс. 2, 3).

Краткое изложение правил поведения во времена господства ереси, выраженное словами преподобного исповедника Феодора Студита

- 1. Исследование. Ни с кем нельзя входить в духовное общение без предварительного исследования, что за человек, с которым мы имеем дело. Но особенно это важно по отношению лиц духовных.**

Преподобный Феодор Студит говорит:

“О пресвитере православном¹⁾, и, однако, из страха гонения поминающем епископа-еретика, я прежде отвечал тебе, впрочем, и опять (скажу):

если он не служит (и не служил!) вместе с еретиком и если не имеет (и не имел) общения с такими людьми, то должно принимать его в сообщество (но не как действующего священнослужителя!) при псалмопении, при благословении яств, и то по икономии (т. е. по снисхождению), но не при божественном причащении”.

¹⁾ Святой Отец здесь несомненно имеет в виду священника, получившего законное рукоположение, а потому называет его православным.

Здесь преподобный отец говорит о православном священнике, который лично в ереси не был, но лишь поминал своего епископа, который имел общение с еретиками. И за это он уже лишался права совершать богослужение. Вот какая строгость!...

И далее, после приведенных выше слов, преподобный исповедник пишет:

“Непременно нужно исследовать, когда господствует ересь и, приняв исповедание (т. е. заявление испытуемого лица), довольствоваться им (этим заявлением), если только оно не будет явно ложным. Ибо могу сказать тебе, что мы научились от отцов не исследовать в такое время, когда не свирепствует ересь, и относительно лиц, не осужденных явно. Ныне же редко можно найти такого пресвитера, который

бы не имел общения с еретиками” (Творения преподобного отца нашего и исповедника Феодора Студита. Том. 2, часть 1, письмо 49. К Навкратию сыну, стр. 286. СПб. 1908).

“Второй вопрос – о христолюбивом человеке, приглашающем в свою часовню отслужить всенощную: должно ли служить в ней и с кем?” – ставит вопрос преподобный Студит и отвечает:

“Нужно согласиться, и идти и петь вместе, конечно, если приглашающий и певцы православные, и тот и другие остерегаются общения с еретиками. Нужно и служить в часовне, если владелец удостоверит, что в ней еще не служил еретик. Ибо раньше сказано, что нужно исследовать всюду по причине свирепствующей ереси” (Там же, стр. 287).

Святой исповедник продолжает отвечать на вопросы духовного сына, монаха Навкратия:

“Если по сути случится православному быть приглашенным от какого-нибудь священника или мирянина на общую трапезу и будет время песнопения, то как нужно поступать? Я сказал и опять скажу: когда ересь господствует и не поражена православным собором, то необходимо исследовать, как при божественном причащении, так и при общей трапезе, и в этом отношении нет места и стыду и медлительности. Чтобы просто принять хлеб (пищу) от кого-нибудь, для этого не нужно исследования, равно

как и принять от него (иное) угощение, может быть – наедине, и получить ночлег; конечно, в том случае, если раньше он не был известен ересью или нравственной испорченностью. Но относительно прочего по необходимости должно исследовать” (Там же, стр. 287).

Итак, общий вывод из вышеприведенных слов преподобного Феодора Студита: ни в коем случае нельзя принимать к духовному по вере общению без исследования, без вопросов и дознания. И в этом отношении не должно быть ни стеснения, ни промедления. Если опрашиваемый обманет, то грех на нем. Если же православный не исследует предварительно и вступит в общение с тем, с кем нельзя было вступать в общение, то понесет сам все последствия.

II

2. Общение с ересью. Всякое общение с ересью и еретиками запрещено каноническими правилами Церкви. Согласно с этим учат все святые Отцы и, в частности, преподобный Феодор Студит:

“Закон строго требует, чтобы православный отнюдь не имел общения с неверными и не

принимал участия вместе с ними в пище, ни в питии, ни в ином общении. Зная это, доброта твоя пусть держится своей благой ревности, назидая на хорошем основании прекрасные здания точного исполнения заповедей” (Там же, часть 2, письмо 184. К Филофею ктитору, стр. 567).

“Ты всячески старался воздерживаться общения с еретиками и воздерживался, как говоришь, благодатию Христовою; продолжай же воздерживаться; ибо таким образом ты скажешь свою любовь к Богу и общение с Ним, а противоположное общение отделяет от Христа”.

Общение с еретиками преподбный Феодор Студит называет “отречением от Христа” и “душевной смертью”.

“Или ты не знаешь, что общение твое с увлечением в нечестие было отречением от Христа?” (Там же, часть 2, письмо 89. К Феофилу игумену, стр. 450).

“Эта ересь мне кажется ничем иным как отречением от Христа... Христос отвергается и словами и делами, чего не видно было и при древних ересях!” (Там же, часть 2, письмо 49. К отцам гонимым, стр. 405).

“Встреча и присоединение к христорборной ереси и даже однократное общение с ней – есть для

увлеченного душевная смерть” (Там же, часть 3, письмо 194. Монаху Антонию, стр. 768).

Все это сказано преподобным по поводу общения с ересью вообще. Но эти формы общения могут быть разными. И все это воспрещено.

3. Храмы еретические. Входить в храмы, занимаемые еретиками, воспрещается. Об этом многократно говорит святой исповедник:

“В церкви, занимаемые еретиками, не входить, и если храм поступит во владение православного (исповедания) после совершения там еретических возношений, не священнодействовать в нем православному священнику без разрешения православного епископа” (Там же, часть 2, письмо 152. К Феодору монаху, стр. 528).

“Если в церкви было совершено богослужение нечестивыми, если однажды, то православные могут входить, совершая в нем только молитвы, но не таинства, а если многократно, то пусть далеко уходят от нее” (Там же, часть 2, письмо 49. К отцам гонимым, стр. 406).

“Можно ли входить в их часовню для молитвы, и можно ли совершать в ней святое приношение с

собственную трапезою? – Нельзя ни того, ни другого” (Там же).

“Если случится церковь, в которой служащий поминает еретика, а православный имеет жертвенник на плащанице или на досках, то можно ли полагать его в той же церкви, в отсутствие поминающего и служить на нем православному? – Не следует, но лучше по необходимости служить в обыкновенном доме, избрав какое-либо чистейшее место” (Там же, часть 1, письмо 40. К Навкратию сыну, стр. 278).

“Вопрос о церквях, оскверненных священниками, вступившими в общение с ересью, и занимаемых ими: можно ли входить в них для молитвы и псалмопения? – Отнюдь не должно входить в такие церкви для указанных целей; ибо написано: “се оставляется вам дом ваш пуст” (Матф. 22, 38). Подлинно, как скоро введена ересь, то отлетел Ангел-хранитель тех мест, по словам Василия Великого (письмо 230), и такой храм стал обыкновенным домом. И “не вниду, – говорит псалмопевец, – в церковь лукавующих” (Пс. 25, 5). И апостол говорит: “кое сложение церкви Божией со идолами”? (2 Кор. 6, 16).

“Вопрос о церквях, оскверненных теми же священниками, но не занимаемых ими: можно ли петь и молиться в них? – Можно входить в такие церкви для пения и молитвы, если только они не будут более оскверняться еретиками, но будут

занимаемы православными навсегда. Впрочем, в этом случае постановлено, чтобы совершалось открытие церкви не совратившимся епископом или священником, с произнесением молитвы. Если это будет сделано, то и совершать литургию там не запрещается...” (Там же, часть 3, письмо 214. К Мефодию монаху, стр. 622-626).

Итак, общий вывод ясен: в храмы, занимаемые еретиками ныне или в прошлом, для молитвы или боголужения входить нельзя. Только после православного освящения несовратившимся епископом или священником храм становится православным, а до того бывший храм – обыкновенный дом.

4. Мощи святых.

В связи с вопросом о храмах, занимаемых еретиками, стоит близкий вопрос о поклонении мощам святых угодников Божиих, когда они находятся во владении еретиков. Ответ и на этот вопрос отрицательный.²⁾

²⁾ Как видно из ответа преп. Феодора, не запрещается входить для поклонения мощам, как ошибочно изъясняет схим. Епифаний, а возбраняется молиться в усыпальнице с еретиками. Следовательно, в отсутствие еретиков возможны поклонение и молитва перед св. мощами угодника Божия.

По этому поводу преподобный Феодор Студит пишет так:

“О мощах святых: можно ли входить в их усыпальницы и молиться, и покланяться им, если они заняты нечестивыми священниками? – Правило не позволяет, по вышеизложенным причинам, входить в такие усыпальницы; ибо написано: “вскую свобода моя судится от иныя совести” (1 Кор. 10, 29); разве по необходимости, только для поклонения останкам святого, можно войти” (Там же, письмо 216).

5. Поименование умерших в ереси. Если кто-либо умер в общении с ересью, то помянуть его молитвенно нельзя.

Об этом святой Феодор Студит пишет следующее:

“О том же предмете, о котором ты упомянул, т. е. о поименовании такого-то, ты должен сам по себе знать, что если имевший прежде общение с ересью по страху человеческого, покается при смерти, приняв, например, епитимию от кого-нибудь и таким образом, вступив в общение с православными и в этом состоянии скончается, то, естественно, поместить его в помянниках православных, так как благий Бог наш, по человеколюбию, принимает кающегося и в самый последний час, и там судит его. Потому,

если так было, то не запрещается совершать литургию по нем пред Богом. Если же не было ничего такого, но, находясь в общении с ересью, он не успел причаститься Тела и Крови Господней, – тот же хлеб – еретический и не есть Тело Христово, – то нельзя дерзнуть сказать, чтобы можно было делать собрание по нем, т. е. служить литургию, – ибо божественное не может быть обращено в шутку, – дабы молящийся о нем не услышал: просите и не приемлете, зане зле просите (Иак. 4, 3). Другого ничего не имею сказать, сколько могу понимать истину. Кое общение свету ко тьме (2 Кор. 6, 14)? Не может быть помещено между православными не имевший общения с православием, по крайней мере, в последний час. Ибо где он застигнут, там и будет судим, и с каким напутствием отошел в жизнь вечную, так и будет считаться” (Там же, часть 2, письмо 198. К Дорофею сыну, стр. 596).

В ином письме, посвященном рассмотрению нескольких вопросов, преподобный отец пишет:

“Вопрос 1. О пресвитере, диаконе, чтеце, держащихся православного образа мыслей, но имевших общение с еретиками по страху человеческому: можно ли совершать о них божественное приношение, или всенощную, или молитву? Ответ: – Если они до смерти оставались в общении с еретиками, то нет; а если при исходе раскаялись и исповедали, что они были понуждаемы страхом, и, в-третьих,

если приобщились православных Святых Таин, то позволительно совершать о них вышесказанное”.

“Вопрос 2. О монахах и монахинях, подобным образом скончавшихся в общении с еретиками? Ответ: – Вышесказанный ответ пусть соблюдается и относительно таких: равно, как и относительно мирян, мужчин, женщин и детей. Это сказано об умерших” (Там же, часть 3, письмо 220. Разрешение различных вопросов, стр. 630-634).

И еще:

“Вопрос 18. Об отце моем: следует ли поминать его на литургии? – Ответ: Хотя бы то был отец, хотя бы мать, хотя бы брат, хотя бы кто-нибудь другой, обличенный в общении с ересью до смерти, он, как сказано в предыдущей главе, не должен быть поминаем на литургии; а разве только каждый в душе своей может молиться за таких и творить за них милостыни. Ибо как может тот, кто при жизни имел общение с еретиками и погребен в таком состоянии, быть внесен в помянники при священнодействии православных? Никак нет!” (Там же).

Итак, общее правило таково: не может быть церковного поминовения тех, кто скончался в общении с ересью.

Таинства еретиков, совершаемые и сообщаемые еретиками, – недействительны. Эти “таинства” не освящают, но оскверняют душу и тело.

6. Священство еретическое. Кто принимает священство у еретиков, тот не имеет сана.

Преподобный Феодор Студит по этому поводу пишет монаху Навкратию:

“Пресвитеру и игумену ты хорошо ответил, что отлучены от священнослужения те, кто ныне рукоположен епископом, оказавшимся еретиком, хотя и говорящим, что собор был дурной и мы погибли. Ибо почему он, признавая это, не убежит от гибели, уклонясь от ереси, чтобы быть епископом Божиим?... А так как он находится в ереси, поминая еретика, то, хотя бы он и говорил, что содержит здравый образ мыслей, невозможно чтобы рукополагаемые им были истинными служителями Божиими” (Там же, часть 1, письмо 40. К Навкратию сыну, стр. 288).

И в другом месте пишет:

“Разве вы не знаете, что говорит тот же отец (Василий Великий) в другом письме? “Не признаю епископом и не причислю к иереям Христовым того, кто оскверненными руками к разорению веры возведен в начальники” (Письмо Василия Великого 232). Таковы ныне те, которые

не по неведению, но по властолюбию вторгаются на епископские престолы, добровольно выдавая истину и взамен получая председательство в нечестии” (Там же, часть 2, письмо 11. К Навкратию сыну, стр. 343).

И, наконец, ответ монаху Мефодию:

“Если епископ, впадший в преступление, будет низложен собором, а потом, после низложения, рукоположит пресвитера, а этот пресвитер, прибыв в монастырь, примет от своего игумена епитимию на время, и после того станет священнодействовать, то желаем знать, можно ли принимать такого священника, если он не виновен? – Ответ: Так как здесь явная нелепость, то вам не следовало бы и спрашивать о таком преступлении. Ибо Христос сказал: “Не может древо зло плоды добры творить” (Матф. 7, 18). Поэтому, хотя бы такой от какого-либо святого, а не только от своего игумена, принял епитимию, он не разрешается к священнослужению. Он не священник, а разрешивший его – не святой; ибо таким образом ниспровергнутся и исчезнут все канонические постановления” (Там же, часть 3, письмо 216. К Мефодию монаху, стр. 622-626).

Вывод ясен: – если в ереси, о которой говорит преподобный Феодор Студит, нет истинного священства, то тем паче нет и не может быть в ныне господствующей ереси антихристовой!

7. Ересь ныне господствующая.

Святой исповедник Христов говорит:

“Вообще ереси подобны некоторой цепи, сплетенной бесом: они держатся одна другой и зависят от одной главы – нечестия и безбожия, хотя различаются по названиям, по времени, месту, количеству, качеству, силе и деятельности” (Там же, часть 1, письмо 40. К Навкратию сыну, стр. 286).

“Настоящая ересь – есть во всяком случае отречение от Христа” (Там же, часть 3, письмо 213, стр. 777).

“Это – тягчайшая ересь!” (Там же, часть 1, письмо 48, стр. 296).

“Это не простая ересь, а ересь отречения от Христа” (Там же, часть 3, письмо 213, стр. 777).

И поэтому: “Они – не Церковь Господня... Это не Церковь Божия!” (Там же, часть 1, письмо 43. К брату Иосифу и архиепископу, стр. 293).

Если преподобный игумен и исповедник Христов так рассуждает о современных ему двух ересьях, прелюбодейной и иконоборческой, то что сказать о современной, в самом точном смысле – богоборной, антихристовой?!

8. Причащение. У еретиков оно не освящает, а оскверняет. Оно не духовная божественная пища, а яд духовный. Так говорит преподобный Студит.

“Общение с еретиками (в их причащении) – есть не общий хлеб божественного таинства, но яд, повреждающий не тело, но очерняющий и омрачающий душу” (Там же, часть 2, письмо 24. К Игнатию сыну, стр. 366).

“Как божественный хлеб, которого причащаются православные, делает всех причастившихся одним телом, так точно и еретический хлеб, приводя причащающихся его в общение друг с другом, делает их одним телом, противным Христу” (Там же, часть 2, письмо 154. К Никите игумену, стр. 532).

“Надобно избегать еретического приобщения, чтобы не отдавать добра и взамен не получать зла, отдавать свет и получать тьму. Хотя бы кто предлагал все богатства мира, и между тем имел общение с ересью, он не друг Божий, а враг” (Там же, часть 2, письмо 32. К Фалелею сыну, стр. 375).

“Поистине целый мир не достоин одной души, сохраняющей себя непричастною и еретического приобщения и всякого зла. А причастные к тому и другому равноценны траве, дровам, соломе, которые сожжет огонь суда, а виновников этого

соблюдет сожигаемыми, но не очищаемыми во веки” (Там же).

“При таких обстоятельствах, всякий причащающийся или участвующий в ядовитом хлебе не есть ли отступник от Христа, отверженный, нечестивый, если он не обратится назад через покаяние? – Такова истина: за нее мученики были убиваемы и терпели все, не отступая от нее” (Там же, часть 2, письмо 154. К Никите игумену, стр. 532).

“Действительно, брат – это бездна и сеть дьявола. Общение с еретиками, попавшего в эту сеть отлучает от Христа и отводит далеко от стада Господня. Каково различие света и тьмы, таково же и православного причащения от еретического общения. Первое – просвещает, второе – омрачает: одно соединяет со Христом, другое – с дьяволом: одно оживляет душу, другое – убивает. Хорошо делаешь, что стремишься к источнику жизни, а не черпаешь из смертоносной чаши нечестия, конец которого – вечная гибель” (Там же, часть 3, письмо 154. Куратору Константину, стр. 742-743). При этом надо иметь в виду, что под словом “общение” в приведенных местах преподобный Феодор Студит понимает – “причастие”, “приобщение”.

Следовательно, еретическое причащение – не есть таинство ко спасению, а духовный яд, его надо избегать как погибели.

“Тот хлеб еретический, не есть тело Христово”. (Там же, часть 2, письмо 198. К Дорофею сыну, стр. 596).

Причащение православное в условиях господства ереси и гонения.

“Есть некоторые миряне и даже монахи, которые сильно ненавидят, или оплакивают нечестие, но по угрозам безбожных приступают к их причащению, считая его гибелью, а потом просят нас молиться о них. Следует ли причащать их божественных тайн? – Молиться можно, но не причащать, что не говорили бы и не делали бы они”. (Там же, часть 2, письмо 49. К отцам гонимым, стр. 406).

“Если же он – причащающийся лицемерно, по страху человеческому у еретиков – скажет, что, когда он причащался, ум его не был расположен к этому действию, то это еще более предосудительно; ибо хотя он сознавал, что поступает непристойно, однако с сознанием грешил, не страшась Бога, Который может и душу и тело ввергнуть на погибель в геену, не боясь временно бьющего тело”. (Там же, часть 2, письмо 154. К Никите игумену, стр. 532).

Далее иной вопрос:

“Должно ли православному священнику преподавать святыя тайны тем, которые поют

вместе с еретиками, но воздерживаются от общения с ними (в их таинстве), пресвитеру ли, или диакону, или мирянину, или женщине? Ответ: Что касается до преподавания, то пусть преподает: лицам священным с епитимиею, по снисхождению к тому, что они во всем другом уклоняются от еретиков, а мирянам без епитимии. Что же касается чтеца, который в продолжении двух лет воздерживался от общения с еретиками, то ему справедливо можно причащаться святых тайн, хотя бы в других отношениях он и увлекался. Впрочем – это сказано по снисхождению к слабости людей...” (Там же, часть 3, письмо 220. Разрешение различных вопросов, стр. 630-634)

Особый вопрос:

“О причащении святых тайн монахам или монахиням самих себя? ”

– Ответ: Не имеющим священства не позволительно касаться даже божественных приношений: разве только по совершенной необходимости, когда не находится пресвитера или диакона, можно самим причащаться даров.

Каким же образом? – Положив священную книгу и разостлав чистое полотно, или священный покров, и со страхом сложив туда из рук дары, после песнопения нужно принимать их устами; потом принявшему таким образом должно омыть (уста) вином”. (Там же).

9. Крещение. Одно несомненно ясно, что крестить у еретиков нельзя, несмотря ни на какие затруднения. Преподобный отец указывает несколько решений:

“Относительно крещения, когда нет церкви, занимаемой православными, и когда нас просят; где следует запечатлевать, оглашать и крестить, и какие должны быть родители и восприемники?” – Ответ: “Не должно входить, как выше сказано, в церковь, занимаемую еретиками, ни тем более – совершать сказанное. Но за неимением церкви нужно войти в чистейшее место дома, и там, на освященном жертвеннике или столе, имеющий совершать священнодействие пусть совершает святое крещение. Восприемниками же надобно принимать таких, которые не имеют общения с еретиками, так же и родители должны быть не причастны к ним”. (Там же, часть 3, письмо 220. Разрешение различных вопросов, стр. 630-634).

“Если нет православного совершителя крещения, для некрещенного лучше креститься от монаха, а если нет и монаха, то от мирянина при произнесении слов: “Крещается такой-то во имя Отца, и Сына и Святаго духа”, чем умереть непросвещенным. И это крещение действительно, ибо по нужде и закону пременение бывает, как это доказано

относительно древности.” (Там же, часть 3, письмо 217. Чаду Игнатию, стр. 780).

В письме к епископу Антонию, обвинившему некоего монаха, при наличии священников, якобы, крестившего какого-то младенца, преподобный игумен Феодор Студит объясняет, что монах не сам по властолюбию присвоил себе право крестить младенца, а по безвыходности положения и настоянию других. “Если он, как ты говоришь, при наличии священников по властолюбию присвоил себе священство, поступил так, то не будет он возведен нами никогда в звание священства, кроме других епитимий; этого требует справедливость. Если же дело было так, как рассказывают свидетели и сам принужденный, и если предстояли две крайности: или младенцу умереть непросвещенным, что и случилось с двумя младенцами, когда он не повиновался, или соблюдающим благочестие броситься к еретикам: то я, грешный, не осмеливаюсь ничего постановить...” (Там же, часть 2, письмо 157. К Антонию епископу диррайхийскому, стр. 539).

Этих правил и надо придерживаться в отношении крещения в нашем исключительно трудном положении.

10. Монашество. Преподобный Феодор Студит рассматривает некоторые случаи,

возможные при господстве ереси. Может случиться, что кто-либо примет постриг от неистинного священника, склонившегося в общение с ересью.³⁾

Как же принимать такого человека, как монаха или как мирянина? – Ответ: “Нужно принимать их, когда исповедуют, что они согрешили, и будут под епитимиею некоторое время, и затем таким (монашеским) образом будут запечатлены не совратившимся священником”.

³⁾ Имеется в виду священник, рукоположенный православными, но впоследствии склонившийся.

Вопрос о монахе, принявшем священный образ по неведению от пресвитера рукоположенного низложенным епископом? – Ответ: “В другом месте сказано, что всякий грех, совершенный по неведению, очистится”. (Лев. гл. 4). Поэтому не следует отвращаться от вкушения пищи вместе с такими и ни от чего другого подобного, способствующего согласию и дружбе”. (Там же, часть 3, письмо 216. К Мефодию монаху, стр. 622-626, вопросы 6 и 17).

“Относительно отречения от мира и пострижения и отказывать не безопасно: ибо Господь говорит: грядущаго ко Мне не изжену вон (Иоан. 6, 37), и принимать просто и без разбора и постригать без испытания не благочестиво; ибо, если никтоже воин бывая обязуется куплями житейскими, да

воеводе угоден будет (2 Тим. 2, 4), то не тем ли более в богоизбранном воинстве?”

“Без приготовления же и без наставления постригаться, как сказано нами, опасно и весьма губительно, и для постригаемого и для постригающего”. (Там же, часть 2, письмо 164. К архимандриту Готфскому, стр. 554).

“Монашеский образ есть обет девства и таинство монашеского совершенства”, – по выражению божественного и премудрого Дионисия. (Там же, часть 2, письмо 165. К Григорию сыну, стр. 555).

“Отречение от мира – есть не что иное, как обет креста и смерти, у истинного монаха!” (Там же, часть 2, письмо 60. К Албенеке протоспафарии, стр. 407).

“Обещавшийся быть монахом и сделавшись им, возвратившись назад (в мир), и женившись, осуждается”. (Там же, часть 2, письмо 172. К Исихию пронатарю, стр. 565).

“А слагать монашество то же, что слагать крещение. Однако, осмеливаются и это делать; страшно и слышать!” (Там же, часть 2, письмо 164. К архимандриту Готфскому, стр. 554).

Формы общения с ересью

III.

11. Благословение. Нельзя просить и принимать благословения у еретиков и неизвестных. “Следует ли приходящего к нам авву, прежде дознания, называть святым отцом и испрашивать от него молитвы?”

– Ответ: Так как теперь время ереси, то без дознания не должно ни говорить: “Благословите, святые”, ни испрашивать от него молитвы, но общее приветствие не запрещается, по правилам святого Василия Великого”. (Там же, часть 3, письмо 220. Разрешение различных вопросов, стр. 630-634, вопрос 12).

12. Приветствие. Какое приветствие допустимо и какое не допустимо по отношению к еретикам, можно ли здороваться с ними, говорить и приветствовать?

“Нет, как говорит Василий Великий, Господь запретил (делать им) общее приветствие: случайно может быть, но с любовью и дружбою, этого надобно избегать, дабы и здесь исполнилось: радоваться нечестивым не глаголите (2 Иоан. 10). (Там же, часть 2, письмо 49. К отцам гонимым, стр. 406).

Здесь – кажущееся противоречие. Выше было сказано: “общее приветствие не запрещается”, как сказано (письмо 220), а тут говорится: “Господь запретил (делать, им) общее приветствие” (письмо 49). В первом случае речь идет о приветствии неизвестному лицу, а во втором – известному, а именно – еретика. Там, под общим приветствием, разумеется краткое мирское приветствие с легким поклоном головы, а здесь – общепринятое в то время приветствие между единоверными православными христианами, с любовью во Христе. Еретика же приветствовать этим духовным для всех христиан приветствием нельзя, но общим для всех людей приветствием – можно. Пример такого поведения показывает сам преподобный Феодор Студит, когда рассказывает о своей встрече в условиях заключения с одним ересеначальником:

“Так как в необходимых случаях нужно приспособляться к обстоятельствам, – пишет он, – то мы, встретившись с хонийским ересеначальником, ибо туда сначала мы были отведены взявшими нас из восточных стран, – поклонились, и он поклонился, и приветствовали его”... (Там же, часть 2, письмо 68. К Ирине патриции, стр. 428).

Следовательно, с еретиками не должно быть дружбы и в приветствии к ним не должно быть равной с единоверными близости.

**13. Приношение от еретиков и еретикам.
Нельзя принимать подарки и приношение
от еретиков. Как нельзя и им дарить или
делать приношения.**

“Ты писал о совете (услышанном). Много советов может дать ближний, однако для каждого не может быть ничего лучшего его собственного мнения. Этого мы и будем держаться, ничего не принимая от давших подписку, т. е. в пользу ереси, если даже они что-нибудь и пришлют. Мы только недавно узнали, что они дали подписку...”. (Там же, часть 3, письмо 65. К Навкратию сыну, стр. 677).

Таким образом, от еретиков, и тех, кто имеет общение с ними, никаких приношений и даров принимать не следует. Но и им нельзя делать никаких приношений.

“О приношении даров монастырям мужским и женским? – Ответ: Нужно приносить если они чужды общения с еретиками”.

“Следует ли петь вместе с теми, которые не имеют общения с еретиками, но в других отношениях безразлично поступают, или принимать от них приношения, или восковые свечи, или елей? – Ответ: Если эти лица священные, и приносят не к иноверным, то следует принимать приносимое ими, с некоторою

епитимиею, а если миряне, то можно принимать без епитимий: ибо должно быть различие между теми и другими, по достоинству священства”.

“Можно ли совершать молитву для просящих у них, или благословлять елей, или возжигать свечи, или давать пить святую воду? – Ответ: Если это иноверные, то нет, хотя бы они и приступали с верою. Ибо кое общение свету ко тьме”. (2 Кор. 6, 14). (Там же, часть 3, письмо 220. Разрешение различных вопросов, стр. 630-634).

14. Трапеза. Общение с ересью совершается и чрез общую трапезу с еретиками и даже не только за общим столом, но и вообще, чрез поданную ими пищу или питье.

“Если на пути случится православному быть приглашенным от какого-нибудь священника или мирянина на общую трапезу и будет время песнопения, то как нужно поступить? Ответ: “Когда ересь господствует и не поражена православным собором, то необходимо исследовать, как при божественном причащении, так и при общей трапезе, и в этом отношении нет места ни стыду, ни медлительности. Чтобы просто принять хлеб (пищу) от кого-нибудь, для этого не нужно исследование, равно как и принять от него угощение, может быть –

наедине, и получить ночлег, в том случае, если раньше он не был известен ересью или нравственной испорченностью. Но относительно прочего по необходимости должно исследовать... И в доме мирянина или священника, как сказано, по необходимости в случае позднего времени, безразлично можно остановиться и, вкусить пищи наедине, без исследования, и принять потребное, если, как я сказал, принимающий раньше не будет известен принимаемому, как принадлежащий к числу нечестивых или беззаконных. А без необходимости не хорошо принимать сказанное, как случится, а нужно исследовать и остановиться у православного и, если нужно, от него брать потребное для дороги; ибо, так заповедует Господь чрез святых своих". (Там же, часть 1, письмо 40. К Навкратию сыну, стр. 287-288).

“Если же он (пресвитер) поминает епископа еретика, то, хотя бы он ублажал, хотя бы мыслил православно, нужно воздерживаться от общественного приобщения (вместе с ним) и от общей трапезы...”.

“Если кто вкушает пищу вместе с сочетавшим и прелюбодеев или с другим еретиком безразлично, то не надобно и принимать пищи вместе с таковыми, хотя бы они не противлялись православному. Ибо они не соблюдают заповеди апостола, повелевающего: с таковыми ниже ясти

(1 Кор. 5, 11). Далее, не нужно исследовать или дознавать, не пиршествовал ли он с тем, кто пиршествовал (трапезовал) вместе с еретиком, а тот и с другими, и таким образом сводить речь с прямого пути и уклоняться от всех. Это – произвольное дело, а не святых. Ибо, сказано: До сего дойдеши, и не преjdeши (Иов. 38, 11).

“А с кем мы не вкушаем пищи, от того не нужно принимать и дара, если он, получив внушение раз и два, не обращает внимание и не слушает нас”. (Там же, часть 1, письмо 49. К Навкратию сыну, стр. 307).

“С другими, которые имеют общение с совершенно нечестивыми по нужде из страха, или от голода, или без нужды, или по принуждению, а между тем признают себя православными, можно ли вместе вкушать пищу? – Ответ: Отнюдь нет, разве только принадлежащим к низшему народу, и при том не безразлично, а по какому-нибудь необходимому случаю, раз или два”.

“Можно ли вкушать остатки от них (вышеуказанных) снедей по нужде, или без нужды, потому что на них сделан был знак креста, т. е. крестного знамения? – Ответ: Если от священника, то нельзя, а если нет, то можно вкушать по нужде”. (Имеется в виду священник – еретик). (Там же, часть 2, письмо 49. К отцам гонимым, стр. 406).

“Как может возведенный в иерархический сан пресмыкаться долу? Как может подвизавшийся в исповедании действовать наравне с неревнующими и непосвященными? Ты говоришь, будто он утверждает, что сидеть в епископском доме, которого хозяин предан нечестию, нет никакого препятствия, и принимать угощение от собравшихся лже-епископов нисколько не противно правилу благочестия. Как же это не противно истине? Святой Давид поет: Елей грешного да не намастит главы моя. (Псал. 140, 5); а святой Афанасий повелевает нам не иметь никакого общения с еретиками и даже с теми, которые сообщаются с нечестивыми. Как же не общение – сидеть в таком месте и от таких принимать угощение? Это не так; и даже, если бы кто не сидел там, но оттуда получил пищу, то самое подаяние и принятие ее произвело бы общение... Принимающий хлеб, может быть, скажет, что он принимает от обратившегося в православие и перенесшего епитимию; но это не так. Пока тот удерживает епископство, хотя и не священнодействует, он не должен участвовать во святыне. Истинное покаяние требует оставить епископство и удалиться, как и сделали некоторые, от них безвредно и принимать что-нибудь, с ними позволительно и вкушать пищу” (Там же, часть 2, письмо 119. К Иакову монаху, стр. 484-485).

Строг закон, излагаемый преподобным Феодором Студитом. Этот закон создан общим согласием святых исповедников, в число которых входил и тогдашний Патриарх Константинопольский Никифор, святой исповедник. Этот святой исповедник, в некоторых отношениях был особенно строг, как об этом и говорит преподобный Феодор Студит:

“Как можно нарушить этот закон, и, приняв его (одного виновного в общении с ересью пресвитера) условия, создать новый закон для всех... и этим поступить против нашего божественного и главного руководителя (святого Патриарха Никифора), который не согласен позволять таким людям благословлять даже обыкновенную пищу, а тем менее совершение священнослужения, дабы не соблазнить прочих исповедников и не внести раздор в среду тех, кто держится точного исполнения канонов” (Там же, часть 3, письмо 284 о Евфимию, стр. 817).

Однако, при всей строгости правил исповедничества, преподобный Студит предостерегает от чрезмерной ревности, порицаемой апостолом:

“Относительно знамения (креста) при трапезе или в каком-нибудь другом случае, полагаемого восставшими от падения покаянием и принимаемого избавившимися от падения, уже соборно, можно сказать, обсуждено и

определено святыми отцами, что – это хорошее дело, и нам смиренным кажется благопотребным соблюдать это и другим передавать. Поэтому, если и тебе угодно будет сохранить это, то мы хвалим и одобряем. Отвергать это, как делают некоторые, есть дело излишней ревности в служении Богу, осуждаемой апостолом и не имеющей ни законных оснований, ни братской любви. Ибо чем они докажут верность своего мнения, когда нет ни правила подтверждающего, ни священный иерарх наш не запрещает нам принимать это? Не значит ли это скорее ниспровергать покаяние и отвергать спасение? Тому, кто удостоился причаститься святых таин и полагать на самом себе крестное знамение, может ли быть не позволено – знаменоваться общую трапезу наедине или пред всеми?” (Там же, часть 2, письмо 139. К Стефану игумену, стр. 512).

И, приведя ряд доказательств, как Сам Господь принимает кающихся, преподобный отец восклицает: “И что может быть безрассуднее людей, невежественно и высокомерно не допускающих, чтобы полагали знамение креста и молились уже исправившиеся покаянием?” (Там же).

Итак, правила исповедников воспрепятствуют участию в общей трапезе с еретиками и принятию от них всякого рода угощений, в виде пищи и питья.

Дополнение о том же: о недопустимости общения православных с еретиками в трапезе, пище и питие.

“Вопрос о монахах, которые безразлично обращаются со всеми встречающимися, молятся и вкушают пищу вместе с ними; можно ли допускать таких к общей трапезе и псалмопению?”

– Ответ: Когда апостол заповедует отлучатися нам от всякого брата, безчинно ходяща, а не по преданию, еже прияша от нас (2 Фесс. 3, 6), то как вы сами по себе не благорассудили? Итак, если они будут воздерживаться от греховной привычки, подвергшись и надлежащей епитимии, то могут быть принимаемы. Впрочем, надобно наблюдать, кто те, которых вы называете “встречающимися”, еретики ли, или явно предосудительные по жизни? О таких говорит апостол: аще некий брат именуем будет блудник или лихоимец, или идолослужитель и пр., с таковым ниже ясти” (1 Кор. 5, 11).

“Вопрос о пресвитерах, вкушающих пищу вместе с еретиками однажды или дважды, но не вступавших в общение с ними, или не подписавшихся, или не служивших вместе с ними; можно ли допускать таких к общей трапезе и псалмопению, с печатью (благословения), или без печати? – Ответ: Относительно таковых надобно наблюдать: вкушавшие пищу

священники со священниками ли еретиками, или с мирянами вкушали пищу, и с известными ли или православно мыслящими, но имеющими общение с еретиками? – В случае священных лиц суд строже. Но тех и других, по надлежащем раскаянии, можно допускать к общению и в соли, и в молитвах, и в печати”.

“Вопрос о мирянах, подписавшихся под ересью и имеющих с нею общение, можно ли с такими мирянами православным мирянам вместе вкушать пищу? – Ответ: Безразличие – причина зол. Между нечистым и чистым не разделяху, – говорится в Писании (Иезек. 22, 26). Поэтому, если православные имеют ревность, то им не следует допускать таких до вкушения пищи вместе, пока они наперед не подвергнутся епитимии за нечестивую подпись и не откажутся от общения с еретиками. Но так как некоторые оскверняются общением с еретиками по стеснительным обстоятельствам, избегая опасностей, то можно допускать их до вкушения пищи вместе, если они исповедуют, что делали это случайно и раскаиваются; впрочем и тогда не безразлично, а с некоторыми соответствующими условиями, приносящими и тем и другим пользу, а не вред душевный”. (Там же, часть 3, письмо 216. К Мефодию монаху, стр. 622-626, вопросы 8, 9 и 10).

“Вопрос о мирянах, мужчинах и женщинах, которые причащаются от православного, но во

всем прочем по страху человеческому смешиваются с еретиками; как надобно вести себя по отношению к ним, строго соблюдающим правила людям? – Ответ: Священному лицу, именно, пресвитеру и диакону, монаху и монахине, надобно воздерживаться от вкушения пищи с такими, строго держась правил; разве иногда, не знаю по какому-либо приспособлению к обстоятельствам (дозволять это), и притом, весьма редко. Мирянину же вкушать пищу вместе с такими – безразличное дело, хотя бы случилось, что иной из них имел общение по страху, но между тем держится православного образа мыслей. Впрочем, чтобы грех не оставался ненаказанным, нужно назначить малую епитимию безразлично обращающимся с еретиками по страху. Эта епитимия – коленопреклонений пятнадцать, также молитвы: “Господи, прости мне согрешение; Господи, будь милостив ко мне грешному; Господи, помилуй меня. От пятидесяти до ста”.

“Если встретятся миряне, мужчины или женщины, еретичествующие по невежеству, или по рождению принадлежащие к ереси; то можно ли вкушать пищу вместе с ними, или что-нибудь принимать от них? – Ответ: Хотя бы по злонамеренности, хотя бы по невежеству они были еретиками, не позволительно вкушать пищу вместе с ними, или принимать принесенное ими; разве, не знаю, когда невежды, исправившись, дадут обещание быть православными”. (Там же,

часть 3, письмо 220. Разрешение различных вопросов, стр. 630-634, вопросы 5 и 17).

Повторим еще раз строгий святоотеческий вывод: нельзя участвовать с еретиками в общей трапезе и принимать приносимое ими угощение, что-либо из пищи или питья.

15. Подписка. Общение с ересью совершается и чрез нечестивую подписку, которую берут еретики у православных. Такая подписка – измена и предательство истины, отречение от Христа.

В письме “к пресвитеру подписавшемуся” преподобный Феодор пишет:

“Что потерпела честность твоя в кораблекрушении подписки? И сколько ты оплакивал это падение? Ибо поистине падение есть (твое) восстание против святой иконы Христовой, хотя бы только рукою совершенное. Я узнал об этом из твоего письма, человек Божий, и сострадал, совоздыхал, взывал горько и как следует дружелюбно расположенному... О, бедствие! Мы подверглись нападению, и устрашились, убоялись того, чего не должны страшиться и бояться, если действительно читаем слова: не убойтесь от убивающих тело, души же не могущих убить (Мф. 10, 28)... Если же ты скажешь: подписываясь я, восклицал, что я

поклоняюсь святым иконам; то, прости, брат, и Пилат, устами выдавая себя за неповинного в убиении Христа, тростью, т. е. пером, утвердил смерть Его”. (Там же, часть 2, письмо 6, стр. 330-331).

Здесь разумеется та подписка, не собираться друг с другом и не учить православному почитанию святых икон, о которой говорится в ином письме следующее:

“Отсюда опустошение всех церквей Божиих, когда всюду уничтожается всякая досточтимая икона; отсюда сожжение священных приношений, на которых была икона, и книг, в которых говорилось что-нибудь о ней; отсюда требование нечестивых собственноручных подписей и привлечение к безбожному обществу посредством множества допросов и розысков, так, чтобы не остался неуловленным ни один человек. Ибо необходимо одно из двух: или поклониться “образу златому”, или подвергнуться жестокому пламени мучений. Впрочем, легко исчислить оставшихся непреклонными!...” (Там же, часть 2, письмо 17, стр. 355).

Увы, если их было не много в те далекие времена, то что сказать о нашем безотрадном времени?! – От тех, – кто дал подписку врагам веры, надо устраняться.

“То, что высказал ты в письме; я прочитал, сын мой, а от меня в ответ вот что: Отлучатися нам

от всякаго брата безчинно ходящаго, — заповедует святой апостол (2 Фесс. 3, 6). Как же говорит Григорий Аделфийский, что вы неосновательно отвращаетесь от него, когда он не только “безчинно ходит”, но и совершенно соединился с иконоборцами, подписавшись под ересью, вкушая пищу и питье и обращаясь вместе с ними? Если же он скажет, что он раскаялся и исполняет епитимию, то пусть докажет это письменным исповеданием, прокляв еретиков вместе с ересью и ни в коем случае не вступая в общение с ними. А доколе не сделает этого, да будет чужд для вас, боящихся Господа. Ибо он лукавнует под причиной личины раскаяния, увлекаая вас и тайно распространяя пагубные речи, по-видимости как бы от лица противников. Поэтому и ты, как слабейший, заразившись беседою его, стал недоумевать о том и другом”. (Там же, часть 2, письмо 42. К Фалелею сыну, стр. 396-397).

“Обрадовался я, получив почтенное письмо твое, любезнейший из отцев, и узнав, что дела твоего преподобия идут так и сяк; ибо, по известиям от других, впрочем людей достоверных, я скорбел, услышав о твоей лицемерной подписке. Выслушай меня, почтеннейший, я буду говорить откровенно. Я не могу найти причины, почему ты, быв задержан царским чиновником, остался без мучений, т. е. отпущен. Это служит поводом к молве. Известно, что никто из говорящих смело не остался без заключения в темницу или, по

крайней мере, без ссылки или изгнания. Те же, которые вне этого, предали увлечению, чтобы не опечалить тебя, сказав что-нибудь более суровое. Разве ты не видел, прозорливейший, тяжкого гонения от Льва, соименного дикому зверю (здесь имеется в виду император – еретик Лев Армянин, жестокий тиран и гонитель), которого рука хватала и находящихся под властью другого, убивала, губила и, что человеколюбивее, – заключала в темницу после тяжкого бичевания, а не только что подвластных ей? Если же сам ты ничего не потерпел такого после задержания, то, извини, святой муж, ты был уловлен. Не говори мне, что таким образом была сохранена собственная церковь и остались неповрежденными изображения, равно как и поминовение святейшаго нашего патриарха. Это любят говорить и другие увлеченные. Все это не могло быть спасено иначе, как изменою истинного защищения. Что за польза, если мы сами, сделавшиеся и называющиеся храмом Божиим, стали непотребными, а бездушные дома постарались сохранить? Икона Христа или Богородицы, или другого святого, не падает – она пребывает в них, как первообразах, но падают те, которые думают уничтожить ее, равно, как и те, которые, из угождения им, оставляют смелость и страдание за нее. Как? Они умирают, а другие отправляются в ссылку, иные подвергаются бичеванию, иные заключаются в темницу: горы, пустыни, скалы и

пещеры населены блаженно гонимыми; а мы остаемся дома и думаем, что не получим вреда? Нет. Пусть погибает весь вещественный мир видимый; пусть важнее его будет верная гибель души, которой подвергается тот, что представляет такие предлоги. Я сказал это по любви и для напоминания, чтобы мы удостоились принимать епитимию, и потому что, во время православия ничто не будет оставлено без исследования. Лучше – придти со смирением и исцелять немощное, нежели оправданием навлекать на себя большую виновность”. (Там же, часть 2, письмо 106. К Евстратию игумену, стр. 468-469).

Это письмо, по своему содержанию, имеет огромное значение для нашего времени. Оно дает ярко выраженную святоотеческую оценку тому, что происходит и теперь, только в несомненно больших масштабах.

Приведем еще одно письмо, в котором говорится о преступности “подписки”, даваемой гонителям:

“В настоящее время, когда Христос гонится чрез Его икону, не только тот, кто имеет преимущество, по званию и сведениям, должны подвизаться, беседуя и наставляя в православном учении, но и занимающий место ученика обязан смело говорить истину и свободно отверзать уста. Это слова не меня грешного, но божественного Златоуста, затем и

других отцов. То же, что господа игумены, задержанные императором (еретиком и гонителем), не сделали вышесказанного, хотя они, и по званиям и по сведениям, выше всех игуменов здешней страны, а напротив, скорее молчали, и не только это, – хотя и это тяжело, – но еще дали собственноручную подписку, что они не будут ни сходиться друг с другом, ни учить – это измена истине и отречение от предстоятельства и погубление подчиненных, кроме того и равностепенных. Апостолы, получив повеление от иудеев не учить во имя Христово, говорили: Аще праведно есть пред Богом вас послушати паче, нежели Бога, судите (Деян. 4, 19); и еще: Повиноватися подобает Богу паче, нежели человеком (Деян. 5, 29). Это же и подобное следовало сказать и тем, чтобы Бог прославился чрез них, чтобы сделать назидание православным, чтобы утвердить монастыри, чтобы укрепить страждущих в ссылках. Почему же мы предпочитаем монастыри Богу и получаемое от того благополучие – страданию за благо, за истину? Где слова: Глаголах пред цари, и не стыдяхся? (Пс. 118, 46). Где изречение: Се устнам моим не возбраню? (Пс. 39, 10). Где сила и слава нашего звания? Как блаженные Савва и Феодосий, в то время, когда император Анастасий предался нечестию (имеются в виду ереси евтихианская и манихейская), пламенно восстали в защиту веры, то анафематствуя лжеучителей в церкви, то свидетельствуя в тех

письмах, какие посылали к императору, что они готовы скорее потерпеть смерть, нежели изменить что-нибудь из постановленного? Эти же господа игумены, как рассказывают, говорят: мы кто такие? Во-первых – христиане, которые теперь непременно должны говорить; потом – монашествующие которым не следует ничем увлекаться, как непривязанным к миру и независимым; далее – игумены, которые отклоняют соблазны от других и никому не должны подавать повода к искушению; да служение, – говорит апостол, – безпорочно будет (2 Кор. 6, 3). А какой соблазн и искушение, или лучше, унижение произвели они собственноручною подписью, об этом нужно ли говорить? Ибо, если молчание есть отчасти согласие, то утверждение этого согласия подписью пред целою церковью как позорно?... Но что говорит Христос? Всяк, иже исповесть Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесех (Мф. 10, 32); а противное тому в случае отречения; и если они дали собственноручную подписку только не сходиться друг с другом, то и это то же самое отречение... Итак, они дали подписку повиноваться императору (еретику и гонителю) вопреки Христу!...” (Там же, часть 2, письмо 2. К монашествующим, стр. 326-327).

Итак, подписку, которые давали по страху неустоявшие христиане в пользу господствующей ереси, есть ни что иное, как

измена, предательство и отречение! Измена истине, предательство веры и верующих, и, отсюда, отречение от Христа. Если так мрачно оценивается святыми в пользу той ереси или тех ересей подписка, то что сказать о современной, которую дают теперь несчастные христиане, потерявшие мужество. Это современная подписка с подписками древности имеет общее лишь в одном названии. А содержание современной подписки несравнимо ни с чем из истории древней церкви. И настолько несравнимо, насколько ересь антихристова богоборней, пагубней и преступней, всякой иной ереси.

Врачевание уклонившихся в общение с еретиками, в случае их возвращения к православию чрез покаяние

IV.

16. Епитимия за уклонение в господствующую ересь.

Предлагаемые преподобным Феодором Студитом правила, касательно епитимии для кающихся за уклонение в ересь, являются нормами, принятыми всеми исповедниками того времени. При этом кающиеся различаются, прежде всего, по занимаемому положению в

церкви: клирик, монах, мирянин. Чем выше положение, тем строже епитимия. Но самой характерной чертой этих правил является то, что клирик, так или иначе имевший общение с еретиками, отлучается от священнодействия до восстановления православия и соборного решения. Вот преподобный Студит говорит о монахах:

“Относительно тех, о которых ты писал мне, что они раскаиваются. Для принадлежащих к нашему телу, хотя и недостойные, будем врачами. Итак, какую епитимию при посредстве братии мы назначили пришедшему сюда Оресту, – ибо мы не почли за благо лично видеться с ним по многим причинам, такую же пусть примут и прочие, т. е. пусть не причащаются Святых Таин и соблюдают остальное, до тех пор, пока снова не возсияет ясное небо православия. А если скажешь, случится смерть? Тогда пусть причащаются. Мы веруем, что грех отпустится им” (Там же, часть 2, письмо 11. К Навкратию сыну, стр. 342).

В другом письме преподобный говорит о разновидностях падений, в зависимости от причин и поводов, и, отсюда, различает епитимии.

“Некоторые пали по собственной воле, без принуждения; другие вследствие бичевания; иные – вследствие угрозы и только ее одной;

иные без угрозы и мучений, по одному только страху; а некоторые по неведению. Этих обращающихся как должно принимать? Так, чтобы они являли все достойные плоды покаяния. Какие именно? Непричащение Святых Таин, со слезами и усердною молитвою, первые – в продолжении трех лет; вторые – двух лет; третьи, четвертые и пятые, как первые, шестые – в продолжении одного года. По исполнении же этого, как нужно поступать с ними? Кто из священного сонма, т. е. клирики, монахи, и не подписывался и не участвовал в нечестивом приобщении, тот пусть остается в клире, в котором он поставлен. А кто подписался, тот пусть будет отлучен от священнослужения до православного собора, причащаясь, впрочем Святых Таин”. (Там же, часть 2, письмо 40. Ко отцам гонимым, стр. 405-406).

И снова звучит то же правило: отлучение священнослужителей за общение с ересью от священнодействия до собора, восстанавливающего православие.

“Таков совет наш на вопрос господина игумена, чтобы до праздника святых апостолов все были разрешены от епитимии, и причастились Святых Таин; но с тем, конечно, чтобы священники не священнодействовали, до созвания православного собора, на котором будет сделано всецелое разрешение (после всестороннего исследования) и всецелое успокоение...

Впрочем, уже наперед принята всеми такая решимость: если угодно будет Богу, по неисповедимым судьбам правды Его, чтобы опять было воздвигнуто гонение, то лучше перенести все даже до смерти, нежели предать Истину” (Там же, часть 2, письмо 110. К Петру епископу Никейскому, стр. 464).

Для неустоявших против ереси клириков, непременным условием покаянной епитимии является правило – не священнодействовать. Исповедник пишет:

“Вопрос о подписавшихся и имевших общение с той же ересью монахах и клириках; как нужно принимать таких, без епитимии или с епитимиею? Если они обещаются больше не священнодействовать, то можно ли нам налагать епитимии на них? – Ответ: Очевидно, что с надлежащими епитимиями; ибо не оказавшие плодов покаяния, как могут быть достойны присоединения к православному телу? Назначить же таким епитимию и нам не предосудительно; ибо написано: Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов (Гал. 6, 2). (Там же, часть 3, письмо 216. К Мефодию монаху, стр. 622-626).

Общение с ересью – общение против Христа, кто имел такое общение никак не может иметь общение со Христом, если не принесет покаяние,

которое должно выражаться для каждого клирика запрещением священнослужения.

“Пресвитер, и вообще клирик, или подписавшийся, или имевший общение по страху, не вынося гонения, пусть лишается общения. Ибо, имеющий общение против Христа, как может иметь общение со Христом? Разрешение отлучения от священнослужения зависит от соборного исследования... Так, для всякого монаха, так и для всякого мирянина: отлучение от общения, при прочих достойных плодах покаяния, в ожидании благоприятного времени для православия”. (Там же, часть 2, письмо 11. К Навкратию сыну, стр. 343-344).

“Пресвитеру, а следовательно и каждому священнослужителю, обличенному в общении с еретиками, особенно, если он и подписался, недозволительно священнодействовать до времени православного собора, на котором подобные дела будут рассмотрены и обсуждены”. (Там же, часть 2, письмо 204. К Ирине игумении, стр. 607-608).

“Относительно чтеца, который подвергшись епитимии, обратился, справедливо поступить так, чтобы он не читал апостола до времени собора; ибо пресвитер, подвергшийся епитимии, отлучается от священнодействия, диакон – от диаконаства, а чтец – от чтения. Мы так думаем и

определяем!” (Там же, часть 2, письмо 102. К Филофею ктитору, стр. 588).

Если же епископ имел общение с ересью и ищет возвращения в православие, то он должен оставить епископство.

“Принимающий хлеб может быть скажет, что он принимает от обратившегося в православие и перенесшего епитимию (епископа), но это не так. Пока тот удерживает епископство, хотя и не священнодействует, он не должен участвовать во святыне. Истинное покаяние требует оставить епископство и удалиться, как и сделали некоторые, от них безвредно и принимать что-нибудь, с ними позволительно и вкушать и пищу”. (Там же, часть 2, письмо 119. К Иакову монаху, стр. 485).

Епископа, даже обратившегося от общения с ересью в православие, перенесшего епитимию, не совершающего богослужение, но удерживающего епископство, нельзя считать истинным. Ибо истинное покаяние требует оставить епископство и удалиться! Вот какая строгость святоотеческая!

“Кратко сказать, – пишет преподобный Феодор Студит, – священник или даже диакон, уличенный или в подписке, или в общении с еретиками, должен быть совершенно отлучен от священства, равно как и от причащения, а по исполнении епитимии причащаться Святых Таин,

но отнюдь не священнодействовать, до святого собора; благословлять же (разумеется – пищу, трапезу) или молиться может как обыкновенный монах, а не как священник, и притом по исполнению епитимии”. (Там же, часть 2, письмо 152. К Феодору монаху, стр. 528).

И это строгое правило, является “общим голосом исповедников Церкви Христовой”.

17. Особо строгий случай принятия из ереси.

Преподобный Феодор Студит дает ясно понять, что необходимо делать различие между теми, отпавшими от православия и принявшими общение с господствующей ересью, и теми, которые и не были православными. Первые по страху или иному поводу оказались в общении с ересью, а вторые – по убеждению. Первых нельзя отождествлять со вторыми. Для принятия вторых на совсем иные условия и иная епитимия покаяния. Их нельзя принимать просто, “как случится”. Имея ввиду такое различие, святой исповедник говорит, в начале об отпавших из православия в господствующую ересь:

“Этих надобно принимать не так, как обращающихся от ереси, хотя и в этом случае соблюдается немалое различие между тою и другою ересью, но как отрекшихся от имени

Господнего, или участвовавших вместе с христорборцами в отречении от Него по страху или какому-либо другому обстоятельству... И это не иначе, хотя некоторые хотят уменьшить такое отречение. А если бы те, которые прежде не были православными и не были научены истине (т. е. убежденные еретики), от Божественного Промысла просветившись истиною, прибегли к нам, то было бы иное дело: их надобно принимать не как случиться, но с согласия многих православных, как объяснял Божественный Василий прибывшим из Египта в Месопотамию, укоряя их за неосторожное принятие”.

А поскольку святой отец ссылается на Василия Великого, то следует привести и подлинные слова этого вселенского учителя Церкви:

“Справедливо будет напомнить вашему благоговению и о последователях Маркелла, чтобы не сделать вам о них какого-либо неосмотрительного и легкого постановления. Но поелику Маркелл ради нечестивых учений отошел от Церкви, то последующих ему тогда уже надлежит принимать в общение, когда предадут проклятию ересь сию, чтобы вступившие в союз со мною чрез ваше посредство были принимаемы всем братством. Ибо теперь не малая скорбь объяла многих, когда услышали, что с пришедшими к вашей досточестности вступили вы в сношение, и

допустили их до церковного общения. Между тем, надлежало вам знать, что по благодати Божией, не одни вы на Востоке, но имеете многих на стороне своей, которые защищают православие Отцов, изложивших в Никее благочестивый догмат веры, и что на Западе все согласны, как с вами, так и с нами...

Итак, надлежало вам удостоверить всех, находящихся в единении с вами, чтобы и дело ваше еще более утвердилось согласием многих, и мир не расстраивался, когда с принятием одних отступают другие ... Вот, что вымолвил я пред вашим благоговением, сколько позволили мне пределы письма, чрез которое вел беседу с вами... А теперь пока соблаговолите прислать ко мне условия, на которых вы приняли последователей Маркелла, зная то, что хотя сами по себе соблюли вы все предосторожности, то такого дела не должно предоставлять себе одним, а надобно, чтобы находящиеся в общении с вами и на Западе и на Востоке были согласны на их восстановление". (Письмо 257. Твор. в русском переводе, Том 7, стр. 236-241. М. 1892 г.). Так писал, в 377 году, святой Василий Великий – Евлогию, Александру и Арпократиону – епископам Египетским, находящимся в изгнании. На это письмо и ссылается преподобный Феодор Студит, когда предупреждает, что лиц, связанных с ересью крепкими узами, как сознательных участников нечестия, надо принимать гораздо строже и с

согласия многих. Это правило святых исповедников особенно важно иметь в виду во времена господства ереси антихристовой.

18. Правило об отлучении до собора узаконено общим решением святых исповедников веры Христовой.

Строгое правило, согласно которому любой священнослужитель, вошедший в общение с господствующей ересью, запрещается в священнослужении до созыва собора, восстанавливающего православие, это правило принято во время преподобного Феодора Студита общим согласием святых исповедников непоколебимой веры Христовой.

“Ты знаешь, благочтенный, – пишет Феодор Студит епископу Сардийскому Евфимию, – что общим голосом еще находящихся на земле и недавно отшедших ко Господу исповедников определено, чтобы священные лица, однажды обличенные в общении с еретиками, были отлучаемы от священнослужения, именно, до усмотрения высшего Промысла. Как же мы можем нарушить это правило и чрез принятие одного распространить закон на всех, прежде отлученных, и этим сделать противное нашему божественному и верховному настоятелю... и ввести в соблазн других из исповедников и произвести разногласие в людях, строго

соблюдающих правила?” (Там же, часть 2, письмо 212. К Евфимию епископу Сардийскому, стр. 617).

“Ведь ты, богопочтенный, знаешь, что по общему согласию как еще живущих на земле, так и недавно преставившихся ко Господу исповедников, постановлено запрещать священнослужение тем, кто хоть один раз был увлечен в общение с еретиками, разумеется до времени посещения Божия Промышления, т. е. до созыва собора, восстанавливающего православие...” (Там же, часть 2, письмо 284. К Евфимию епископу, стр. 817).

Таким образом, то правило, которым нам необходимо руководствоваться в наших исключительно трудных условиях, имеет непререкаемый авторитет. Мы еще раз повторяем что только охраняемая этими строгими правилами. Церковь сможет устоять.

19. Послабление епитимии.

Возможно, ли исключение из правил епитимии? Этот вопрос неоднократно ставится преподобным Феодором Студитом.

“Имевший общение против Христа как может иметь общение со Христом? – Ответ: Разрешение отлучения от священнослужения зависит от соборного последования.

Решившийся снова бороться после падения пусть лишается того места (положения), которое он занимал; иначе как сделается известным отречение, которое он допустил, и ему самому и другому? Сделать послабление не могу, особенно если в это возвращение его к борьбе не ознаменовалось каким-нибудь отличным делом, как, у епископа Лаодикийского. Ибо и этому я не советовал бы священнодействовать, а разве вступить в общение ради его знаменитости... Впрочем, так как и усиление и послабление зависит от налагающего епитимию, – я говорю в отношении к общению, а не священнодействию, – то; если по непостижимым судьбам праведного гнева Божия продолжатся времена ереси, можно и прежде собора разрешить в Господе, (смотря по тому) тяжело или легко пало это лице и какое оказывает покаяние, как для наших, так и для внешних, равно и принимать пищу вместе им не надобно препятствовать, но с тем, чтобы они не благословляли до разрешения. Вот что относительно таких представилось мне в страхе Божиим и по истине”. (Там же, часть 2, письмо 11. К Навкратию сыну, стр. 344).

И если возможно для священника какое-то послабление, в случае если он под запрещением, то при каких условиях и в чем оно выражается? – Ответ: “Мы, отнюдь, мать не говорим сегодня одно, а завтра другое; но одна и та же речь наша постоянна. Какая? –

Пресвитеру, обличенному в общении с еретиками, особенно если он и подписался, недозволительно священнодействовать до времени православного собора, на котором подобные дела будут рассмотрены и обсуждены, а разве в случае крайней нужды можно: крестить, выносить мертвого, преподавать одеяние монаху, освящать Богоявленскую воду, читать Евангелие на утрени и преподавать Святые Тайны, уже совершенные неповинным пресвитером; и это, как я сказал, в случае крайней нужды; ибо ему недозволительно делать и сказанное, если найдется священник, не имеющий общения с еретиками”. (Там же, часть 2, письмо 204. К Ирине игумении, стр. 607-608).

“Но возводить его (возвращать) на ту же степень, с которой он низведен (извергнут) не следует до надлежащего времени (до собора), чтобы и этот род преступления был строже наказываем и предварительно сделалось известным, какой способ врачевания удовлетворителен”.(Там же, часть 2, письмо 212. К Евфимию епископу Сардийскому, стр. 618).

К сказанному нечего прибавить, – все предельно ясно. Главное же правило сводится к тому, что священнослужитель, так или иначе вступивший в общение с еретиками и господствующей ересью или давший подписку, запрещается в священнослужении до соборного осуждения

ереси и рассмотрения поведения каждого пастыря.

Исповедничество и мученичество за Христа

V.

20. Если возможны исключения и послабления.

Если возможны исключения для падших и послабления для отрекшихся, то какой смысл в подвиге исповедничества и мученичества? Этот вопрос неоднократно ставит великий исповедник пред теми, кто хотел бы обессилить епитимию запрещения священнодействий для священников не устоявших против ереси.

“Аще по человеку со зверем боряся в Ефесе, – говорит апостол, – кая ми польза?” (1 Кор. 15, 32).

Скажу и я: если, по-вашему мнению, после отречения или общения с христовборцами такие тотчас должны быть принимаемы и оставаться без епитимии; то для чего я напрасно подвергаюсь опасностям каждый день, а не уклонился к противникам и потом тотчас чрез покаяние (исповедь) присоединился к православному без епитимии? Не льститесь; тлят

обычаи благи, беседы злы (1 Кор. 15, 33).
Бодрствуйте в Господе. Кое общение свету ко тьме (2 Кор. 6, 14), чтобы у нас делалось подобно христорборцам? Ибо они говорят, приходящих к ним из православия принимают с радостью без епитимии. Увы, следовательно, нам должно и увенчивать отрекшихся от Христа и прославлять, как они некоторых из тех. Братие, – умоляю вас, не дети бывайте умом но усовершайтесь в истинном ведении” (1 Кор. 14, 20). (Там же, часть 2, письмо 11. К Навкратию сыну, стр. 343).

“Если можно разрешить священнодействовать пресвитеру, уклонившемуся в общение с ересью, то зачем, какой смысл в мученичестве? – Ответ: Ты знаешь, что не малое воздвигнуто гонение при свирепствующей до настоящего времени ереси, но кровь проливалась, и тела терзались, и мученики совершались. А какие страдания были в темницах и заключениях, нужно ли говорить об этом? Ссылки, изгнания, ограбления, железные оковы, изнурение голодом, удаление в пустыню и все прочее, о чем долго бы повествовать. Если же это так, то неужели этому пресвитеру можно выходить спокойно, получая неувядаемый венец славы? Напротив, так как он обличен в общении и подписи против Христа, Матери Его и всех святых, – ибо, чрез иконы их – это относится к первообразам, – то как он не считает за великое для себя, что еще живет и прощается ему беззаконие, как не избегает касаться и

вышесказанного, позволяемого по человеколюбию, а не только, чтобы ему получить совершенное разрешение на священнослужение? Иначе все погибло, тщетно мученичество, напрасны ратоборные подвиги; но да не будет! Мученик в этом исповедании есть мученик, и отпадший при этом отречении – есть отступник, и всякому падшему нужно плакать до смерти, если послушается меня, доброго советника”. (Там же, часть 2, письмо 204. К Ирине игумении, стр. 608).

Здесь особенно сильна мысль: если мученик при мучениях не устоит, то он, по закону Церкви – отступник. Так неужели же тот, кто без мучения отступил, не отступник?!

Преподобный исповедник объясняет, почему он не может сделать исключения для отпадшего:

“Почтенство твое опять говорит о пресвитере, испрашивая ему разрешения на священнослужение; если бы испрашиваемое было делом человеческим, то хорошо бы; мы стараемся во всем удовлетворять тебя, желая сделать угодное тебе, много благодетельствующему нам; ибо так как этот предмет касается Бога, и относится к преступлению определения божественных правил, то прости, любезнейший друг, мы не можем произвести суд вопреки Богу и священным правилам, особенно когда по

предмету совершенно подобному в прежние времена мы жертвовали всею жизнью своею, решаясь скорее идти на опасности, на ссылку и на смерть, нежели согласиться на нечестие и нарушение Евангелия Христова... Итак, зная опасности суда, не принуждай нашего смирения. Ибо, если мы каждый день подвергаемся опасностям за слово Истины, то как решимся поступить вопреки Истине? Не следует, господин, делать или говорить что-нибудь вопреки Божественно определенному правилу. Надеемся, что и сам ты, ища одной воли Божией и спасения души своей, согласишься с нами в сказанном и будешь молиться, чтобы мы еще более утвердились в Божественном законе и не решались ни в чем преступить Божию заповедь и правило". (Там же, часть 2, письмо 202. К Филофею ктитору, стр. 606-607).

И снова преподобный исповедник ставит вопрос: как иначе обнаружить различие между изменившимися и неизменившимися истине, если не будет отлучения от священнодействия тем священнослужителям, которые пошли на общение с еретиками?

“Ты, богопочтенный, знаешь, что по общему согласию, как еще живущих на земле, так и недавно преставившихся ко Господу исповедников, постановлено запрещать священнослужение тем (священным лицам), кто хоть один раз был увлечен в общение с

еретиками, разумеется до времени посещения Божия промысления (до собора, восстанавливающего православие и осуждающего господствующую ересь). Как можно нарушить этот закон?! Ведь в чем ином выразится различие между изменившимися истине и оставшимися верными, между мужественно подвизавшимися и теми, кто совершенно отрекся от страданий за благо? И где окажется различие между Христом и Велиаром, светом и тьмою, если все будет смешано, если будет произведен суд до соборного суда, и дастся мир до (наступления) мира? Это, мужественнейший из отцов, должно быть решительно отвергнуто; так кажется мне, я скажу, – и истине!... Конечно, до положенного времени (до собора) не должно возвращать степень, из которой он извергнут за нарушение заповеди...” (Там же, часть 3, письмо 284. К Ефимию, стр. 817).

Несмотря ни на что, хотя бы оказалось и очень мало священников, не входивших по страху в общение с ересью антихристовой, ныне господствующей, правила святых исповедников, об отлучении отступивших от священнодействия до собора, должно оставаться в силе и быть крепчайшим основанием (фундаментом) ныне существующей гонимой и уничтожаемой антихристом Истинной Церкви Христовой!

21. Бегство – законно, обман – недопустим.

Возникает вопрос, что можно и чего нельзя делать в условиях господства нынешней ереси, самой тяжкой и последней, при окончательно развитой форме которой, по откровению свыше, и наступит кончина мира. Преподобный Феодор Студит дает необходимые разъяснения и наставления, которые являются одновременно и правилами.

“Будь здоров, возлюбленный сын мой, мужайся, руководи братьев твоих, ободряй, показывай то, что относится к Истине, побуждай к мученичеству. Таково время, хотя и укрываетесь вы законно. Ибо подвергать самого себя искушению, – о чем желал ты знать, – значит то же, как если бы кто-нибудь по собственному побуждению выдал себя убийцам. Если же святой Гордий, равно и некоторые другие из мучеников самопроизвольно выходили на мучение, то требовали этого обстоятельства, так как случилось, что никто не осмеливался прямо говорить, и безбожие сильное разгоралось. Притом, они чистым сердцем созерцали Бога и от Него были побуждаемы. Так и великий Предтеча с опасностью для себя обличал Ирода. И теперь по благодати Божией много поборников и мучеников; но выдавать самого себя – дело незаконное”. (Там же, часть, 3, письмо 44. К Симеону сыну, стр. 399-400).

В письме “к братьям рассеянным” преподобный Феодор говорит:

“Поэтому я смиренный опять говорю; радуйтесь в Господе, отцы и братия; радуйтесь, гонимые правды ради (Матф. 5, 10); радуйтесь, пребывающие в горах и пещерах, равно как скрывающиеся в городах и местах потаенных”. (Там же, часть 2, письмо 62, стр. 417).

Самое бегство святой отец приравнивает к подвигу исповедничества.

“Сам Христос, Которого исповедуют, радуется и подвизается с каждым исповедником. Ибо иначе мужественно переносящие настоящие бедствия не переносили бы их:... не видны были бы везде народные темницы, не наполнились бы пустыни, горы, леса и пещеры обратившимися в бегство ради Господа”. (Там же, часть 2, письмо 71. К Навкратию сыну, стр. 430).

“Благодарю Бога, что и вы, святые отцы, остались непоколебимы в буре иконоборческой ереси, не увлекшись в душепагубное общение с нею, но бегством достигнув преблаженного венца гонения. Поистине достигшего достойного вашей добродетели и явившего прежде совершенные аскетические подвиги”. (Там же, часть 2, письмо 199. К Аволию и Иоанну монахам, стр. 596).

Много можно привести подобных свидетельств, но и предложенного достаточно, для убеждения в том, что бегство и иное самоукрытие от свирепствующей ереси, не только законно, но благословенно и блаженно. Если бегство и самоукрытие от гонителей-еретиков преподобный Феодор Студит одобряет и приравнивает к подвигу исповедничества, то словесный обман гонителей, построенный на игре слов, святой исповедник не только не одобряет, но даже считает изменой истине и богоотступничеством.

“Если православный, обличенный в необщении с еретиками, перекрестится и скажет им: “Я имею общение”, тогда как еретики не требовали от него ничего другого; а сам он тайно имел в мыслях: “Я имею общение с православными”, это не экономия, т. е. недопустимое приспособление к обстоятельствам, но измена истине. Ему епитимия в половину против того, кто всецело вступил в общение с ересью”. (Там же, часть 2, письмо 40. К Навкратию сыну, стр. 394).

Есть и такой вопрос, который в наше время и в наших условиях может приобрести несколько иной вид, но по существу это тот же самый вопрос, но только в более острой форме. Святой исповедник пишет:

“Если кто, поклявшись, что он не поклоняется Божественной иконе и не принимал также

православного монаха, но после клятвы, сознав свое падение, раскается и станет тайно поклоняться, то все равно – это тяжкое падение; он уже сделался отступником от Христа...; поэтому должен быть отлучен от Святых Таин на три года, при великом снисхождении”. (Там же, стр. 395).

Но поскольку теперь дело идет о вере и поклонении Богу, то ясно, что: если кто скажет, заявит, что он – неверующий, а потом раскается и станет тайно веровать и, насколько это возможно, поклоняться Богу, то все равно, это великое и тяжкое падение. Это – отречение от Бога и Христа. И таковой человек – есть отступник.

Итак, укрываться от гонителей-еретиков можно. А заявлять им, обманывая их: “Я, мол, неверующий” – отречение от веры и Бога.

22. Вера в Бога и мужественное исповедничество неразлучны.

Одно без другого не может быть. Нельзя верить в Бога, а перед людьми этой веры не исповедовать, отречься от этой веры. Об этом постоянно говорит преподобный Феодор Студит:

“Докажи же сам, если можешь, из Божественных изречений, что это не ересь, не указывай мне на большинство и не хвастайся ночными чтителями

Бога... Если они почитают Бога, то где смелость речей?” (Там же, часть 1, письмо 48. К Афанасию сыну, стр. 302).

“А молчание (против ереси) есть отчасти согласие... Поэтому теперь, возлюбленный, настало время говорить нам... Согласно с Василием Великим, нам нужно в точности следовать правилам, – ибо иные речи прежде войны, и иные после войны!... Всякий, заступающийся и страждущий за истину, есть основание и вершина церкви...” (Там же часть 1, письмо 43. К брату Иосифу и архиепископу, стр. 292-293).

“В настоящее время гонения на Христа не только выдающиеся по своему положению или знаниям должны подвизаться, проповедуя и уча слово православия, но и состоящие в числе учеников должны дерзновенно исповедовать Истину и свободно заявлять о ней. Это не мои, грешника, слова, а божественного Златоуста, а также и других отцов”. (Там же, часть 3, письмо 278. Монашествующим, стр. 808-809).

“Ибо заповедь Господа – не молчать, в то время, когда в опасности вера. Говори, – сказал он, – и не молчи. И аще обинется (если поколеблется), не благоволит душа Моя о нем (Евр. 10, 38). И, еще: Аще сии умолчат, камение возопиют (Лук. 19, 40). Итак, когда идет дело о вере, то не следует говорить: “Кто я такой?” – священник?

Нет. Начальник? Нет. Воин? Земледелец? Также нет. Я – бедняк, зарабатывающий только на дневную пищу. Меня не касается речь и забота об этом предмете. Увы, камни вопиют, а ты остаешься безмолвным и беззаботным?

Бесчувственная природа слушается Бога, а ты не слушаешься? Существа неодушевленные и не подлежащие отчету на суде, как бы страшась повеления, издают голос, а ты, имеющий явиться к ответу пред Богом во время суда и о праздном слове дать отчет, хотя бы ты был нищим, безрассудно говоришь: какая мне об этом забота?... Таким образом и самый последний бедняк не будет иметь никакого оправдания в день суда, если не станет ныне говорить, как имеющий быть судимым и за это одно, а тем более всякий из обличенных высоким саном, до самого облеченного диадемою, которому предстоит суд неумолимый. Ибо, “сильнии сильне истязаны будут”, говорит Писание; и еще: “суд жесточайший преимуществим бывает” (Прем. 6, 7, 6). Говори же, господин мой, говори! Поэтому и я, несчастный, говорю, боясь суда”. (Там же, часть 2, письмо 81. К Пантолеону логофету, стр. 441-442).

“Итак, страшный суд за молчание, особенно, при настоящей злонамеренной глухоте еретиков... Пребывай же, возлюбленный, на свещнице слова, по заповеди Евангельской, и свети всем, иже в храмине суть (Мф. 5, 15), чтобы простые взором принимали свет, а смежающие чувства

свои пожали плоды своего невнимания...” (Там же, часть 2, письмо 209. К Антонию епископу, стр. 614).

“А ты, чадо мое возлюбленное, укрепляйся о Господе и нисколько не падай духом пред ссылкой. Твердо стой. Если спросят. Принеси свое доброе исповедание. Если нужно подвергнуться заушению, заушайся вместе со Христом, подвергнись заключению, испей желчь горестных обстоятельств, взойди на крест произволением, ибо каждому, пожелавшему нести страдания, это зачтется за действительное страдание... Кому превозноситься, кому радоваться, веселиться и благодушествовать, как не тем, кто заключен и страдает за Христа?” (Там же, часть 2, письмо 44. К Навкратию сыну, стр. 663-664).

“Проводив блаженного отца моего со святым моим Калогиром (пострадали за Христа), я царствую, владычествую, радуюсь и ликую. Так я встречаю, как наслаждения, озлобления со стороны мира; бесстрашный, непреклонный, я дерзаю сказать вместе со святым Давидом: Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое (Пс. 26, 3). Мне приятна смерть – ради вечной жизни! Таким образом и так высоко настроенный, я исповедую себя мерзостью для всех людей и отверженным от Бога за безчисленные свои прегрешения”. (Там же, стр. 664).

Внушая неустрашимость пред гонителями, преподобный игумен одновременно напоминает, что необходимо заботиться и о безопасности.

“Не следует, ведь, молчать из страха пред царями (властителями), когда должно говорить: Аще усумнится, – говорит Писание, – не благоволит душа Моя о нем (Аввак. 2, 4). Отвергая это, царь (гонитель веры) запрещает учить и даже разговаривать, но хотя мы и грешны, однако, признаем себя учениками тех, кто сказал: Аще праведно есть пред Богом вас послушати паче, нежели Бога, судите (Деян. 4, 19). Ведь мы не можем молчать о том, что слышали и знаем. Но при всем этом, однако, мы стараемся обезопасить себя от могущих возникнуть слухов...” (Там же, часть 3, письмо 48. К Навкратию сыну, стр. 666).

“Не впадай в уныние, чадо мое возлюбленное, а стой еще мужественнее. Если даже нужно умереть, умрем со Христом, чтобы жить с Ним во веки. Ведь мы все равно умрем, как бы этого не избегали. Да, умоляю тебя, чадо мое!” (Там же, часть 3, письмо 52. К Феоктисту сыну, стр. 669).

“Благодушно перенести темничные трудности, со дня на день ожидая спасения от Бога. Если даже следует умереть за Христа, умрем, чтобы жить вечно. О, добрый Дорофей, стой мужественно, как Божий дар!” (Там же, письмо 53. К Дорофею сыну, стр. 669-670).

“Ты принес исповедание, заключен в темницу, как золото расплавлен в печали и болезни. Будь, чадо мое, еще настойчивее и терпеливее, чтобы просиять, как солнце”. (Там же, письмо 54. Чаду Вассиану, стр. 670).

“Блаженны умершие за Господа, ибо за одно мгновение приобретут целые века (вечность)!” (Там же, часть 3, письмо 61. К Навкратию сыну, стр. 674).

“Потому будь всегда осторожен, чтобы работать Богу, и служить мне грешнику. Снабди и отошли по делам в столицу, внушив ему мудро и разумно, т. е. осторожно, исполнить поручение. Несчастный, я нахожусь между двух страстей, как двух враждебных сил, как об этом часто тебе пишу, – естественного страха и заповеданного безстрашия (Мф. 10, 28). Мне нечего оправдываться заключением, так как я могу говорить. Ведь, если враги Господни, опираясь на помощь кесаря, дерзки в своем нечестии, увлекаая народ Божий, и распространили пламя по всей церкви, то что ж угрожает нам, имеющим на своей стороне Царя всех? А мы даже и тайно не беседуем со своими единомышленниками. По этому поводу Григорий Богослов в смысле сильной укоризны говорит: “Молчат уста благочестивых”. С другой стороны, “мы получили заповедь избегать искушений, как уже сказано, надо идти средним путем и, если, несмотря на это, придется подвергнуться гонению, тогда это

блаженное дело”. (Там же, письмо 63. К тому же, стр. 675-676).

Итак, величайший исповедник Христов, преподобный Феодор Студит наставляет, что наша вера в Бога требует от каждого христианина неустрашимого мужества, небоязненного исповедничества, готовности ради веры идти не только на страдания, но даже и на смерть. Но в условиях свирепого гонения, особенно антихристового, вера Христова требует и созидающей общее дело Церкви осмотрительности и осторожности. Ибо нельзя, незаконно, явно выдавать себя гонителям, дабы подвиг исповедничества был делом благого Промысла Божия, а не самоуверенной воли и легкомыслия человеческого. Недаром же сказано: И ин тя пояшет, и ведет, а може не хочещи” (Иоан. 21, 18).

Заключение

Выше были предложены правила поведения православного христианина во время господства богоборной ереси, извлеченные из творения величайшего исповедника веры Христовой – преподобного игумена Феодора Студита. Эти правила очень строги, но и очень близки нам, нашим вопиющим нуждам духовным. Ибо, эти правила созданы, а, вернее, внушены удерживающим антихриста (2 Фесс. 2, 7) Духом

Святым, – как средство необходимой защиты против опасности поглощения истинной веры и Церкви богоборческой ересью.

Правила строги, но они “общий голос” древней исповеднической и мученической Церкви, а поэтому должны быть особо близки нам, потому что они – плод благодатного прозрения святого исповедника в то, что “настоящие события оказываются введением к пришествию антихриста”. Это подлинные слова самого преподобного Феодора Студита (Творения, том 2, часть 3, письмо 42. Патрицию, стр. 662).

И если те события были “введением к пришествию антихриста”, то ныне мы живем уже в условиях его пришествия и его богоборного владычества. И коль строги строгие правила преподобного Феодора Студита, – а они не только его правила, но и всей Церкви борющейся, – были необходимы тогда, то тем более они необходимы теперь, – с подбором из этих правил самых строгих решений, ибо зло достигло невероятного развития.

А м и н ь.